

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Г. А. Монусова

Отношение к перераспределению доходов и социальная мобильность¹

МОНУСОВА Галина Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН; старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных исследований массового сознания Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: g.monusova@gmail.com

В статье анализируется связь между перераспределительными установками населения, с одной стороны, и проявлениями социальной мобильности — с другой. Причём у одних и тех же индивидов рассматривается влияние как объективной, так и субъективной мобильности, и одновременно контролируются представления о механизмах мобильности. Анализ организован вокруг гипотезы о том, что запрос на перераспределение доходов формируется в большей мере восприятием мобильности (реальной или ожидаемой), а не фактическими изменениями социально-экономических позиций людей. Автор тестирует эту гипотезу, используя данные Международной программы социальных обследований за 2009 г. и технику регрессионного анализа. Проведённый анализ показал, что субъективная мобильность тесно связана с перераспределительными установками, при этом влияние фактической мобильности фиксируется только в развитых экономиках, в постсоциалистических странах такого влияния нет. Анализ свидетельствует также о том, что на отношение к перераспределению достаточно сильно воздействуют представления о том, насколько меритократична система продвижения, а именно в какой мере продвижение по социальной лестнице зависит от личных усилий человека и, наоборот, не зависит от влияния привходящих факторов, таких как богатые родители, полезные связи, коррупция и т. п. Если человек ощущает, что система продвижения устроена меритократично, то запрос на перераспределение заметно снижается.

Ключевые слова: установка на перераспределение; восходящая социальная мобильность; объективная социальная мобильность; субъективная социальная мобильность; представления о справедливости; межстрановые обследования.

Введение

Рост неравенства в доходах и его потенциальные последствия вызывают большую озабоченность общественности. Одни аналитики и политики делают вывод о необходимости масштабного перераспределения доходов, другие, наоборот, боятся, что подобные идеи станут доминирующей политической линией. Имплицитно предполагается, что в условиях высококого неравенства избиратели должны поддерживать идеи перераспределения

¹ Данное исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор признателен В. Е. Гимпельсону, В. С. Магуну и двум анонимным рецензентам за комментарии, замечания и советы и полностью несёт ответственность за все ошибки и неточности.

доходов [Meltzer, Richard 1981]. При этом многие теоретические и эмпирические исследования не подтверждают гипотезу о положительной связи между уровнем неравенства и склонностью людей поддерживать перераспределительные устремления; исследования также показывают существенные различия в отношении к политике перераспределения не только между индивидами, но и на межстрановом уровне [Денисова 2013; Гимпельсон, Монухова 2014; Niehues 2014; Gimpelson, Treisman 2015; Монухова 2016a; Alesina, Stantcheva, Teso 2017; Danilova 2017].

Научная литература предоставляет широкий спектр объяснений того, почему положительная связь между неравенством и перераспределительными установками может отсутствовать. Среди таких объяснений — идеология и ценности [Alesina, Fuchs-Schundeln 2007; Svallfors 2012; Clark, D'Angelo 2013; Alesina, Stantcheva, Teso 2017], представления о справедливости [Sen 2000; Benabou, Tirole 2006; Alesina, Giuliano 2011; Alesina, Stantcheva, Teso 2017;], доверие государству [Alesina, Angeletos 2005; Alesina, La Ferrara 2005; Algan, Cahuc, Sangnier 2011; Денисова 2013;], влияние СМИ [Большц 2014], ошибочные представления о фактическом неравенстве [Niehues 2014; Gimpelson, Treisman 2015] и др.

Одно из популярных объяснений (не упомянутое выше) связано с темой социальной мобильности и опирается на мысль А. Хиршмана о том, что в мобильном обществе люди более терпимы к неравенству и менее склонны требовать перераспределения от богатых в пользу бедных [Hirschman, Rothschild 1973]. Наоборот, надолго и безнадёжно «застряв» в «туннеле», индивиды ждут помощи от государства в виде тех или иных перераспределительных мер в свою пользу. Эта идея, получившая название «туннельный эффект», дала импульс многочисленным теоретическим и эмпирическим исследованиям [Piketty 1995; Ravallion, Lokshin 2000; Benabou, Ok 2001; Alesina, La Ferrara 2005; Alesina, Giuliano 2011; Siedler, Sonnenberg 2012; Clark, D'Angelo 2013; Гимпельсон, Монухова 2014; Alesina, Stantcheva, Teso 2017].

Социальная мобильность в самом широком смысле представляет собой перемещения между различными социальными ячейками, составляющими социальную структуру общества. Эти перемещения, которые бывают вертикальными или горизонтальными, фиксируются с помощью как объективных, так и субъективных индикаторов. Обычно исследователи используют либо то, либо другое, однако такие оценки могут заметно расходиться [Curtis 2016; Монухова 2016b; Alesina, Stantcheva, Teso 2017]. Возникает вопрос: какие из индикаторов — объективные или субъективные — в большей мере связаны с отношением к перераспределению?

Цель данной работы: исследовать связь между вертикальной социальной мобильностью и перераспределительными установками населения. Новизна работы в том, что рассматриваются связи как объективной, так и субъективной мобильности у одних и тех же индивидов.

Структура работы: в первом разделе изложены концептуальные рамки проблемы; второй описывает используемые данные и методологию исследования; третий раздел рассматривает дескриптивную статистику социально-демографических и межстрановых различий в перераспределительных установках и простые межстрановые сопоставления между вертикальной социальной мобильностью (как объективной, так и субъективной) и отношением к перераспределению. В четвёртом разделе эти связи анализируются на индивидуальном уровне с помощью регрессионного анализа. Заключение обобщает результаты исследования.

Концептуальные рамки исследования

В работе анализируются взаимосвязи между двумя явлениями — отношением к перераспределению и вертикальной социальной мобильностью. Первое заключается в том, как люди относятся к государ-

ственному регулированию доходов населения, в частности, к их перераспределению от богатых к бедным через фискальную систему. Для обозначения этого явления здесь используются синонимичные термины «отношение к перераспределению», «запрос на перераспределение» и «перераспределительные установки». Отношение к перераспределению тесно связано с отношением к неравенству доходов, но не тождественно ему [Farina, Grimalda 2011; Монуcова 2016a]. Нужно иметь в виду, что низкий уровень перераспределения могут поддерживать как те, кто выступает против перераспределения по идеологическим основаниям, так и те, кто считает, что действующие высокие налоги в стране уже и так снижают уровень неравенства до приемлемого.

Второе явление, находящееся в фокусе анализа, связано с оценкой произошедших изменений в социальном положении индивидов, направлении и интенсивности вертикальной социальной мобильности. Под социальной мобильностью в статье понимается любой переход индивида с одной социальной позиции на другую. П. Сорокин, который впервые ввёл это понятие, называл движение вверх социальным подъёмом, а движение вниз — социальным спуском [Сорокин 1992]. Человек в течение жизни многократно меняет своё социальное положение как по отношению к самому себе (в прошлом), так и по отношению к положению своих родителей. В первом случае речь идёт о внутр поколенной мобильности, во втором — о межпоколенной. В этой работе рассматривается только межпоколенная вертикальная мобильность.

Если мобильность заключается в межстатусных переходах, то её анализ должен начинаться с выделения социальных статусов (групп). В литературе существуют разные подходы к выделению социальных групп в контексте мобильности [Erikson, Goldthorpe, Portocarero 1979; Радаев, Шкаратан 1996; Ganzeboom, Treiman 2003; Заславская 2004; Черныш 2005; Grusky, Cumberworth 2010; Alesina, Giuliano 2011; Козырева 2012; Siedler, Sonnenberg 2012; Clark, D'Angelo 2013; Тихонова 2014; Ястребов 2016; Семёнова, Черныш 2017]. При этом практически все ведущие исследователи опираются на одни и те же группообразующие параметры, в число которых входят уровень образования, доход, положение на рынке труда, престиж профессии. Они в значительной мере отражаются в понятии «профессия», что определяет как содержание труда, так и его общественное вознаграждение.

Поскольку социально-профессиональные группы выделяются по нескольким группообразующим параметрам, движение по каждой из возможных осей (например, по образованию, доходу, власти, престижу) обозначает одно из проявлений вертикальной социальной мобильности. Такие перемещения фиксируются путём сравнения как объективных статусов индивида и его родителей, так и субъективных оценок этих статусов.

Исследования отмечают расхождения между реальными перемещениями и представлениями о них [Curtis 2016; Монуcова 2016b; Alesina, Stantcheva, Teso 2017], причём степень несовпадения различается по странам. Например, в переходных экономиках, по сравнению с развитыми, существенно выше доля тех, кто реальную восходящую мобильность по отношению к родителям оценивает как нисходящую, то есть свой фактический подъём считает снижением [Монуcова 2016b]. Безотносительно к различиям в объективной мобильности американцы чаще отмечают социальное восхождение, чем европейцы, то есть воспринимают свою мобильность более оптимистично [Alesina, Stantcheva, Teso 2017].

Расхождение между реальной мобильностью и её восприятием можно объяснить разными причинами. Люди зачастую недооценивают или переоценивают свою фактическую мобильность из-за неконсистентности социального статуса (*status inconsistency*) [Lenski 1956; Норе 1975]. Поскольку профессия, являясь статусообразующим фактором, синтезирует определённый набор компонентов-признаков (образование, доход, престиж), объективные оценки, в основе которых лежит профессиональная при-

надлежность, схватывают перемещение между профессиональными группами, объединяющими все компоненты, а субъективные оценки могут включать их с разным весом и по-разному реагировать на отдельные составляющие социального положения.

Оценивая изменения в своём социально-экономическом положении, индивиды не всегда руководствуются только абсолютными величинами. Зачастую они сравнивают свои перемещения с тем, что происходит с ближайшим окружением. В этом случае оценки могут формироваться под воздействием сравнения себя с другими. Например, свои успехи кажутся поражениями, если рядом кто-то добился больших успехов [Hodge, Treiman 1968; Lindemann 2007]. Согласно расчётам, выполненным нами на данных исследования «Жизнь в условиях переходной экономики» («Life in Transition Survey» — LiTS) за 2015 г.², каждый третий респондент сравнивает своё экономическое положение с положением соседей и друзей, а в России 61% опрошенных ориентируются на окружение. «Своя» мобильность может также сравниваться со своими же ожиданиями.

В соответствии с гипотезой Хиршмана и предшествующими теоретическими и эмпирическими исследованиями предполагается, что восходящая социальная мобильность свидетельствует о благоприятных изменениях в жизни индивида и ослабляет перераспределительные настроения. В анализе этой связи необходимо учитывать различие между объективной и субъективной мобильностью.

Влияние объективной мобильности на отношение к перераспределению анализируется в основном по данным отдельных стран. Т. Сидлер и Б. Сонненберг показали на данных по Германии, что фактическая восходящая мобильность по заработкам снижает запрос на перераспределение [Siedler, Sonnenberg 2012], и это согласуется с представлениями Хиршмана. Э. Кларк и Э. Анжело оценивали связи между социально-профессиональными статусами респондентов и их родителей, а также изменением этих статусов с отношением респондентов к политике перераспределения. При этом они контролировали идеологические предпочтения опрашиваемых. Авторы установили, что в Британии у людей с «левыми» убеждениями восходящая *объективная социальная мобильность* усиливает перераспределительные установки, а не ослабляет их, как можно было бы ожидать. Таким образом, идеологические установки оказывают более сильное влияние на отношение к перераспределению, чем реальные социальные перемещения [Clark, D'Angelo 2013].

Многие исследователи обращают внимание на восприятие мобильности, то есть на субъективную социальную мобильность. Т. Пикетти пишет, что именно «различия в представлениях о социальной мобильности могут генерировать различия между странами в запросе на перераспределение» [Piketty 1995: 552]. Согласно Р. Бенабу и Э. Оку, медианный избиратель будет иметь более слабые установки на перераспределение, если он видит перспективы восходящей мобильности для себя или для своих детей. Бенабу и Ок отмечают: родители, ожидающие, что их дети продвинулись по социальной лестнице, с высокой долей вероятности не будут голосовать за перераспределение доходов, считая его направленным против интересов их семей [Benabou, Ok 2001].

А. Алесина и его соавторы — Э. Ла Феррара и П. Джулиано — анализируют влияние ожидаемой собственной мобильности по доходам на отношение к перераспределению и показывают отрицательную связь между ожидаемой восходящей мобильностью и установкой на перераспределение доходов [Alesina, La Ferrara 2005; Alesina, Giuliano 2011]. В последующих работах А. Алесина и его соавторы развивают эти идеи. Авторы считают необходимым контролировать идеологические установки индивидов, поскольку респонденты с «левыми» взглядами настроены более пессимистично относительно своей мобильности по отношению к родителям и в большей мере поддерживают перераспределение

² См.: URL: <http://www.ebrd.com/what-we-do/economic-research-and-data/data/lits.html>

доходов. Индивиды, разделяющие взгляды правого политического спектра, в меньшей степени ориентированы на перераспределение, возможно, в силу своих негативных оценок деятельности правительства и недоверия ему. Эти предположения они подтверждают на эмпирических данных для пяти развитых стран (Франция, Швеция, Италия, Великобритания и США) [Alesina, Stantcheva, Teso 2017].

В. Гимпельсон и Г. Монусова на данных двух международных обследований (ISSP и LITS) показали, что восходящая субъективная мобильность повышает толерантность людей к неравенству доходов в обществе: индивид, отмечающий факт повышения своего социального статуса по отношению к родителям, в меньшей степени склонен считать разрывы в доходах чрезмерно большими [Гимпельсон, Монусова 2014].

Практически все исследования, посвящённые связям между *восприятием мобильности* и отношением к перераспределению, фиксируют у индивидов, отмечающих восходящую субъективную социальную мобильность, заметное снижение желания «перedelить» доходы.

Понижающее влияние восходящей социальной мобильности на установку в отношении перераспределения может обеспечиваться разными психологическими механизмами. Один из них заключается в том, что социальные подъёмы или ожидания этих подъёмов индивиды воспринимают как достижения за счёт собственных усилий, и «отъём» таких достижений в результате перераспределения не воспринимается индивидами как справедливый. Возможно, эта связь с собственными усилиями ярче выражена применительно к субъективно воспринимаемой мобильности, и это обеспечивает более сильное влияние на перераспределительные установки именно субъективно оцениваемых успехов в социальном продвижении. Возникает вопрос: в какой мере неравенство результатов в сознании людей сочетается с равенством возможностей? Связь субъективных оценок мобильности и перераспределительных настроений очень часто анализируется в контексте того, в какой мере индивиды верят в равные возможности статусного продвижения вверх.

Восходящая мобильность может достигаться разными способами — меритократическими (упорный труд и собственное образование), статусными (богатая семья, наличие высокообразованных родителей, полезные связи) или прямо коррупционными (взятки). В одном случае мы можем управлять своей судьбой, в другом, если не повезло, являемся заложниками внешних обстоятельств, которые не контролируем и не всегда одобряем.

Исследования показывают, что признание респондентами упорного труда как основного пути, ведущего к успеху, легитимирует высокий уровень неравенства и, соответственно, повышает терпимость к нему, ослабляя при этом установку на осуществляемое государством перераспределение (см.: [Alesina, Giuliano 2011; Гимпельсон, Монусова 2014; Alesina, Stantcheva, Teso 2017]). Наоборот, доминирующее мнение о превалировании статусных и коррупционных инструментов восходящей мобильности означает констатацию того простого факта, что «честному и трудолюбивому человеку в этой жизни не преуспеть». Соответственно, успех богатых воспринимается как незаслуженный и несправедливый, а потому его плоды в той или иной степени подлежат перераспределению в пользу менее имущих. Это и формирует склонность к перераспределению. «Люди понимают, — пишут Алесина и Джулиано, — каким образом накоплено богатство: на игровых столах Лас-Вегаса или упорным, напряжённым трудом» [Alesina, Giuliano 2011: 102].

Многие исследователи отмечают, что отношение к перераспределению формируется под воздействием представлений о справедливости независимо от изменения собственного статуса. Запрос на перераспределение может быть связан с доминирующими представлениями о справедливости успеха, о равенстве возможностей в продвижении и росте благосостояния. Как пишет А. Сен, «на отношение людей

или их реакцию на фактическое распределение дохода может существенно влиять связь — или её отсутствие — между (1) их идеями о том, что нормативно приемлемо, и (2) тем, что они действительно видят в обществе вокруг себя» [Sen 2000: 60]. Другими словами, имеет значение соотношение между действующими социальными практиками и этическими нормами.

Р. Бенабу и Ж. Тироль объясняют различное отношение к перераспределению, опираясь на веру в справедливый мир³, и условно выделяют два равновесия — американское и европейское. Первое из них характеризуется распространённостью веры в справедливый мир, в рамках которой усилия и упорный труд всегда вознаграждаются. В этой системе убеждений нет места масштабному перераспределению, поскольку каждый получает по заслугам. Люди не заинтересованы платить высокие налоги и оплачивать бездействие и лень других. Второе — европейское равновесие — отличается пессимизмом индивидов относительно роли упорного труда как генератора благополучия. Следствием этого являются ожидание социальной поддержки со стороны государства и, соответственно, запрос на усиление перераспределения [Benabou, Tirole 2006].

А. Алесина и Г.-М. Ангелетос связывают эти трансатлантические различия с историческим прошлым. В Европе возможности успеха и социального продвижения в течение длительного периода зависели от принадлежности к тому или иному классу, а не от личных усилий и способностей. В США — в стране, свободной от наследия жёстких статусных различий — доминировали (во всяком случае, до недавнего времени) представления, что экономический успех зависит прежде всего от количества вложенного труда и усилий, — известная «американская мечта» [Alesina, Angeletos 2005].

Таким образом, одни исследователи рассматривают представление человека о меритократичности своих достижений как самостоятельную детерминанту перераспределительных установок, другие — как механизм, опосредующий влияние на перераспределительные установки со стороны восходящей социальной мобильности. Можно сказать, что в первом случае отношение к перераспределению связано с ожидаемой или потенциальной социальной мобильностью, а во втором — с фактической.

На основании исследований, представленных в литературе, можно констатировать следующее:

- социальная мобильность индивидов измеряется объективными и субъективными оценками, которые не всегда совпадают, а потому могут быть по-разному связаны с запросом на перераспределение;
- социальная мобильность влияет на запрос на перераспределение доходов, причём субъективная мобильность делает это практически всегда, а объективная социальная мобильность показывает противоречивые результаты;
- запрос на перераспределение и субъективная мобильность связаны с представлениями о доминирующих способах достижения успеха, то есть с оценкой равенства возможностей.

Эти соображения приводят к следующим гипотезам:

- запрос на перераспределение доходов формируется в большей мере восприятием мобильности (реальной или ожидаемой), а не фактическими изменениями социально-экономических позиций людей. (Понижающий эффект восходящей социальной мобильности сильнее выражен в отношении субъективной социальной мобильности);

³ Вера в справедливый мир — понятие, предложенное американским психологом М. Лернером и обозначающее убеждение людей в том, что они живут в мире, где все обычно получают то, что заслуживают [Lerner 1980].

- доминирование статусных (богатая семья, наличие высокообразованных родителей, полезные связи) и коррупционных (взятки), то есть немеритократических, инструментов восходящей мобильности в представлениях индивидов усиливает установку на перераспределение доходов. Возможно, эта связь является механизмом, опосредующим влияние на эту установку со стороны социальной мобильности.

Данные и методы исследования

Исследование связей объективной и субъективной мобильности и перераспределительных установок населения предполагает наличие данных как о фактических изменениях социально-экономических статусов индивидов, так и о восприятии этих изменений самими индивидами. Источником таких данных является Международная программа социальных исследований (International Social Survey Programme — ISSP). В 2009 г. центральной темой опросов этой ежегодной программы была проблема социального неравенства (модуль «Social Inequality»). Полная выборка ISSP в 2009 г. включает 55 238 индивидуальных наблюдений и охватывает 40 стран⁴. Мы анализируем респондентов из 37 стран⁵ в возрасте 35–75 лет⁶, так как индивидам необходим лаг во времени, чтобы оценить социальную мобильность, поскольку сравнения проводятся с социальным статусом родительской семьи, когда респонденту было 14–16 лет. С учётом такого цензурирования рабочая выборка составляет 34 898 наблюдений.

Анкета «Social Inequality» («Социальное неравенство») содержит информацию о профессиях отца и матери на момент, когда респонденту было 14–16 лет, и о профессии респондента на момент опроса. Анкета также включает субъективную оценку респондентом социального статуса родительской семьи, когда ему было 14–16 лет, и собственного социального статуса на момент опроса.

Данные ISSP позволяют измерить отношение к перераспределению доходов. Согласие или несогласие с тем, что «государство должно уменьшить различия в доходах между теми, у кого низкие, и теми, у кого высокие доходы» (шкала от 1 до 5 — полностью согласен и абсолютно не согласен соответственно), свидетельствует об уровне перераспределительных установок. Для удобства восприятия в работе используется обратная шкала, где 1 — абсолютно не согласен, а 5 — полностью согласен.

На основе имеющихся данных также можно рассчитать индексы объективной и субъективной социальной мобильности. Объективная мобильность определяется как разность между профессионально-статусными группами респондентов, то есть детей, и их родителей. Статусная группа респондента сравнивалась со статусной группой отца⁷. Если информация об отце отсутствовала, то статус респондента сравнивался со статусом матери. Для анализа необходимо выделить статусные группы. Г. Ганзебум и Д. Трейман предложили два способа для их выделения на основе стандартной классификации профессий ISCO-88 [Ganzeboom, Treiman 2003].

⁴ См.: URL: <http://www.issp.org>

⁵ Поскольку данные Великобритании и Новой Зеландии не содержат информации о профессиональной принадлежности родителей респондента, а выборка Китая слишком сильно смещена в сторону сельского населения (70%), что не соответствует реальной ситуации, названные страны исключены из анализа.

⁶ Данные возрастные границы согласуются с анализом социальной мобильности в европейских странах по данным Европейского социального исследования (European Social Survey — ESS), проведённого в 2017 г. агентством «Европейский фонд улучшения условий жизни и труда» (The European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions — Eurofound) [Social Mobility in the EU 2017].

⁷ Профессиональный статус респондента сравнивается с профессиональным статусом отца, так как у более чем 30% респондентов данной выборки матери не работали, и, соответственно, не имели собственного профессионального статуса.

Согласно первому способу профессии переводятся в укрупнённые группы Эриксона — Голдторпа — Портокаро, или сокращённо EGP, названные так по первым буквам фамилий авторов [Erikson, Goldthorpe, Portocarero 1979]. Эти группы объединяют профессии по уровню требуемого образования, наличию рутинности в работе, преобладанию физического или умственного труда и т. п. Ганзебум и Трейман перевели профессии, измеряемые с помощью стандартного классификатора (ISCO-88), в семь иерархических статусных групп EGP, где группа 7 имеет самый высокий статус, а группа 1 — самый низкий:

1. физический труд в сельском хозяйстве;
2. неквалифицированный физический труд;
3. квалифицированный физический труд;
4. работники, занятые в обслуживании и торговле (нефизический труд);
5. квалифицированные специалисты, занятые рутинным нефизическим трудом;
6. профессионалы средней квалификации и руководители более низкого ранга;
7. высококвалифицированные профессионалы и высокостатусные руководители, чиновники и топ-менеджеры.

Вычитая из ранга статусной группы респондента ранг статусной группы отца, мы получаем индекс социальной мобильности респондента (mob_1), который может варьировать от -6 до $+6$. Если $mob_1 > 0$, то мы говорим о восходящей межпоколенной социальной мобильности, а в противном случае — о нисходящей.

Также Ганзебум и Трейман предложили способ, который предполагает более детальную классификацию профессий как основы для построения социально-экономических статусов. На основе ISCO-88 они разработали так называемый Международный социально-экономический индекс профессионального статуса (International Socio-Economic Index — ISEI). Каждой профессии присваивается определённый балл, учитывающий три параметра: престиж профессии; требуемое образование; заработок. Наиболее высокие баллы (85–90) получили высококвалифицированные профессионалы в области юриспруденции и медицины (судьи, адвокаты, врачи и т. п.), а самый низкий балл (16) присвоен элементарным профессиям, не требующим никаких навыков (уборщики помещений, сельскохозяйственные рабочие и т. п.) [Ganzeboom, Treiman 2003]. Величина этого индекса (меняется от -74 до $+74$) свидетельствует о том, насколько далеко переместился статус респондента по отношению к статусу отца (дистанция), а её знак обозначает направление мобильности. Если эта разница (mob_2) положительна, то мобильность восходящая, если отрицательная — мобильность нисходящая.

Субъективная мобильность — это сравнение респондентом своего текущего положения с положением родителей, когда респонденту было 14–16 лет. Её индекс (mob_3) рассчитывается исходя из ответов респондентов на два вопроса. Первый вопрос звучит так:

В нашем обществе есть люди, которые занимают более высокое общественное положение, а есть те, которые занимают более низкое. Ниже дана шкала. Не могли бы Вы показать своё положение на этой шкале?

Второй сформулирован следующим образом:

А где на этой шкале находилась семья, в которой Вы выросли?

Для ответа на оба вопроса предлагается 10-балльная шкала, где 10 означает самое высокое положение, а 1 — самое низкое. Разница в ответах на них характеризует оценку изменения в социальном положении

нии респондента по отношению к своим родителям (*mob_3*). Масштаб мобильности зависит от абсолютной величины, которая может меняться в диапазоне от -9 до $+9$.

В обследовании есть вопрос, позволяющий проанализировать мнения респондентов о доступных механизмах, ведущих к благополучию и успеху:

Чтобы добиться успеха в жизни, насколько важно, по Вашему мнению, следующее...

Для ответа на этот вопрос предлагаются следующие формулировки:

- происхождение из богатой семьи (*coming from a wealthy family*);
- хорошо образованные родители (*having well-educated parents*);
- хорошее собственное образование (*having a good education for himself*);
- амбициозность (*having ambition*);
- упорный труд (*hard work*);
- знакомство с «правильными людьми» (*knowing the right people*);
- политические связи, взятки (*having political connections, giving bribes*).

Каждый вариант ответа оценивается по пятибалльной порядковой шкале — от «абсолютно необходимо» («*Essential*») до «совсем не важно» («*Not important at all*»). Эти оценки респондентов позволяют охарактеризовать механизмы восходящей мобильности как меритократические (труд и собственное образование), статусные (богатая семья, наличие высокообразованных родителей, полезные связи) или коррупционные (взятки). Предлагаемые варианты ответов не содержат прямой этической оценки тех или иных каналов, но позволяют выявить представления людей о том, какие из них в их странах доминируют фактически.

Дескриптивный анализ

Согласно данным ISSP-2009, большинство респондентов согласны с тем, что государство должно перераспределять доходы: в целом по всей выборке 71% респондентов согласны или полностью согласны (33% согласны полностью); 13% говорят, что «и согласны, и не согласны одновременно»; и лишь 15% не согласны либо совершенно не согласны. Однако за этими средними показателями скрывается значительная вариация, которая связана как с индивидуальными социально-демографическими характеристиками индивидов, так и с особенностями рассматриваемых стран [Гимпельсон, Монусова 2014].

Проанализируем более подробно группу респондентов, полностью согласных с тем, что государство должно перераспределять доходы. Таблица 1 даёт предварительное представление о том, как отношение к перераспределению варьирует между различными социально-демографическими группами.

Таблица 1

Доля полностью согласных с тем, что государство должно сокращать разрывы в доходах, в различных социально-демографических группах

Социально-демографическая группа	Доля полностью согласных (%)	Социально-демографическая группа	Доля полностью согласных (%)
Пол		Статус на рынке труда	
Мужчины	32,0	Занятый	30,5
Женщины	32,8	Безработный	35,2
Возраст (полных лет)		Вне рынка	34,8
До 30	30,4	Место работы	
30–50	33,0	Государственный сектор	37,0
50+	35,5	Частная фирма	31,2
Третичное образование		Самозанятый	29,7
Есть	27,5	Доход*	
Нет	34,6	Первый квантиль	38,0
Наличие семьи		Второй квантиль	38,0
Есть	32,6	Третий квантиль	36,2
Нет	32,2	Четвёртый квантиль	30,7
Наличие пенсии		Пятый квантиль	23,9
Есть	40,1	Крупный город	31,3
Нет	30,1	Малый город, село	36,5

* Все респонденты выборки разбиты на квантили по уровню дохода, где первый квантиль объединяет 20% респондентов с самым низким доходом, а пятый квантиль — соответственно респондентов с наиболее высоким доходом.

Более образованные и более молодые люди, имеющие работу и доход, проживающие в крупных городах, в меньшей степени приветствуют перераспределение, чем менее образованные и более старшие по возрасту, к тому же безработные, живущие на селе или в малых городах. Особо заслуживает внимания то обстоятельство, что работающие в государственном секторе (бенефициары перераспределения) больше заинтересованы в перераспределении, чем занятые в частном секторе и самозанятые (агенты рынка). Это можно интерпретировать следующим образом: наличие более конкурентоспособной позиции на рынке труда (человеческий капитал и работа в частном секторе) ослабляет ориентацию на получение выгод за счёт других. Наоборот, слабый человеческий капитал вкупе с доступом к доходам, которые являются результатом перераспределения через фискальную систему от других групп, эту ориентацию усиливают.

Данные, представленные в таблице 2, демонстрируют связи между направлениями мобильности (объективной и субъективной) и отношением населения к перераспределению доходов. Мобильность может быть трёх направлений: (1) нисходящая (позиции детей снижаются по отношению к родителям); (2) восходящая (позиции детей повышаются); (3) отсутствие изменений. Нисходящая и восходящая фактические мобильности, измеряемые укрупнёнными (*mob_1*) индексами, не показывают однозначных различий в перераспределительных настроениях, тогда как объективная мобильность, рассчитанная по детализированным индексам (*mob_2*), и субъективная мобильность демонстрируют более заметные связи с запросом на перераспределение. Особенно выделяется субъективная мобильность: респонденты, оценивающие свои статусные позиции по отношению к родителям как восходящие, заметно снижают свои требования к государству по поводу «передела» доходов.

Таблица 2

Доля полностью согласных с тем, что государство должно сокращать разрывы в доходах, в зависимости от направления социальной мобильности

Переменная мобильности	Доля полностью согласных (по направлениям социальной мобильности) (%)		
	Нисходящая	Изменений нет	Восходящая
Объективная <i>mob_1</i> *	33,5	35,1	34,0
Объективная <i>mob_2</i>	34,6	35,5	32,0
Субъективная <i>mob_3</i>	39,0	32,1	28,3

* Учитывая, что данный индекс объективной мобильности не показывает заметных связей с отношением к перераспределению, в дальнейшем анализе в этой части будет использоваться детализированный индекс *mob_2*.

Хотя индивидуальные характеристики крайне важны, они не исчерпывают источников вариации. Исследование ISSP-2009 даёт редкую возможность анализировать межстрановую вариацию. Почему эта компонента для нас представляет интерес? Не только потому, что её вклад арифметически значителен, но и потому, что страны сильно различаются как своими перераспределительными системами, так и параметрами — интенсивностью и историей — социальной мобильности. Например, и перераспределение, и мобильность могут по-разному восприниматься в странах развитого капитализма и странах с переходной экономикой. Напомним, что в этих последних более сильное ожидание государственной помощи может быть наследием социализма, а фактическая мобильность — независимо от её интенсивности — способна контрастировать с ожиданиями, не всегда оправданными и реализованными. Это последнее чревато сильной фрустрацией, вызывающей расхождение между статистическими фактами и их субъективным восприятием. Неудивительно, что переходные экономики концентрируются в верхней части рисунка 1 и в нижней части шкалы субъективной мобильности (см. рис. 2), но при этом занимают средние позиции на шкалах объективной мобильности (см. рис. 2).

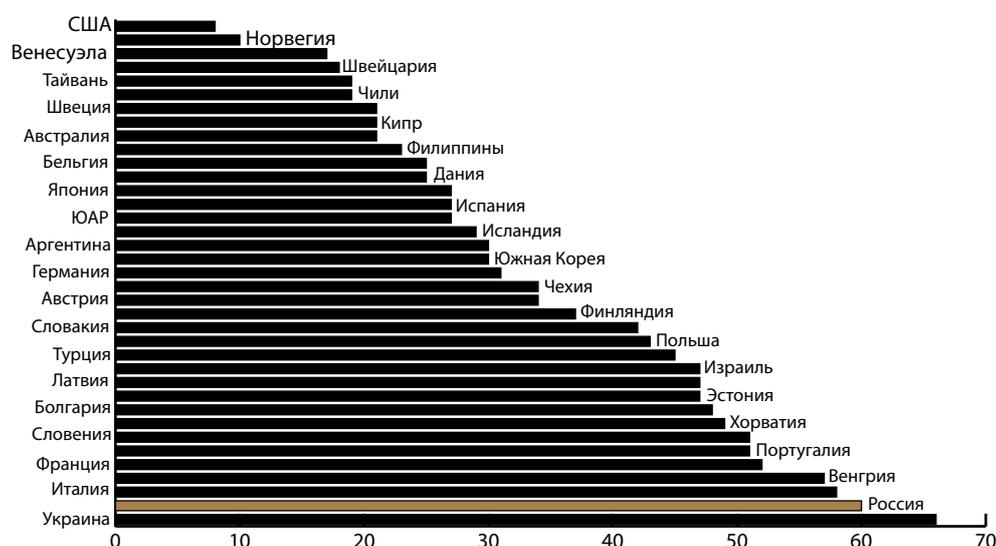
Наиболее значительной является межстрановая вариация по доле ответов «полностью согласны с тем, что государство должно перераспределять доходы» (см. рис. 1). Если в России, Франции, Украине, Италии и Венгрии так считает каждый второй респондент, то в США и Норвегии — менее 10% опрошенных. Страны в нашей выборке можно разделить на несколько групп. Сторонников «передела» заметно больше в постсоциалистических странах, а также в средиземноморских — в Италии, Португалии, Франции, Турции, Израиле⁸. Напротив, в странах Латинской Америки, США, Скандинавских странах (Норвегия, Швеция, Дания, Исландия) выраженность перераспределительных настроений сравнительно слаба.

Как уже указывалось, объяснения межстрановой вариации могут быть разными. Прежде всего, люди могут считать неравенство в доходах очень высоким, а потому требовать большего перераспределения, или, как в Скандинавских странах, отличающихся высокими налоговыми ставками и низким неравенством, люди могут не видеть необходимости в дополнительном перераспределении со стороны государства. Однако негативное отношение к неравенству и запрос на перераспределение связаны не абсолютно жёстко, коэффициент корреляции между этими показателями равен 0,5 ($N = 37$ стран, $p < 0,01$)⁹. Выше говорилось, что отношение к перераспределению связано также и с идеологическими установками. Слабая приверженность перераспределительным нормативным взглядам в либеральных экономиках может объясняться и соответствующими прорыночными идеологическими установками населения. Точно так же идеологические предпочтения с большой долей вероятности объясняют высо-

⁸ Заметим, что Кипр и Испания, а также Чехия в меньшей степени требуют перераспределения, чем другие страны из их кластеров, а Финляндия, напротив, больше.

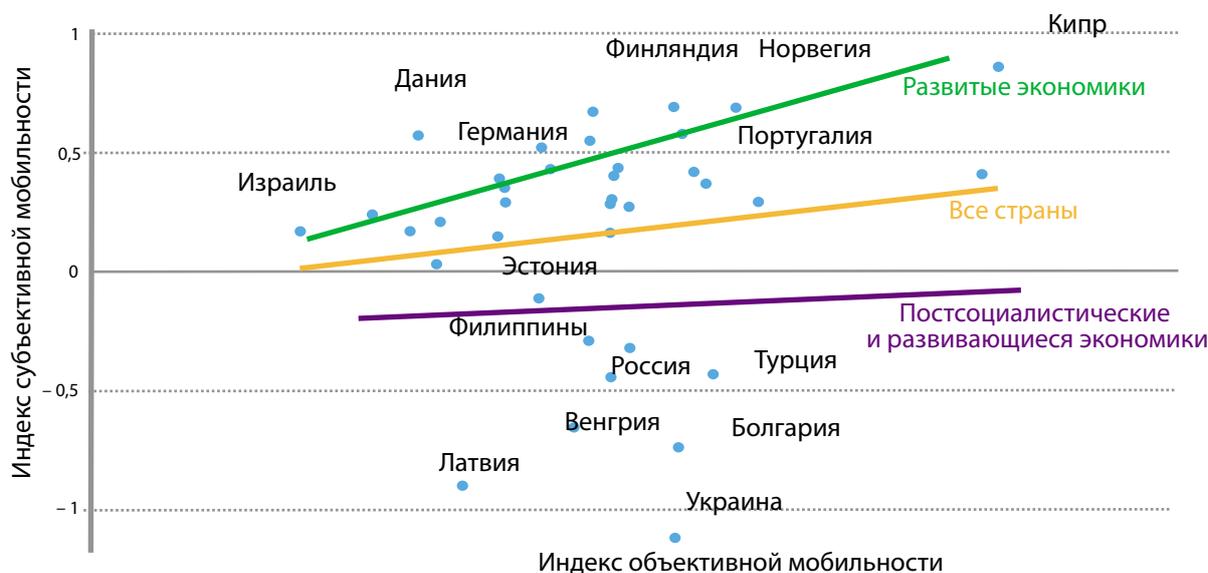
⁹ Рассчитано по данным ISSP.

кую долю тех, кто поддерживает перераспределение доходов в постсоциалистических странах, а также во Франции, где сильны такие идеи.

Источник: ISSP-2009.

Рис. 1. Доля полностью согласных с тем, что государство должно сокращать разрывы в доходах между богатыми и бедными (%)

Источник: ISSP-2009.

Рис. 2. Соотношение между среднестрановыми показателями объективной и субъективной социальной мобильности

Анализируя связи между отношением к перераспределению доходов и социальной мобильностью, важно понимать, как меры объективной и субъективной мобильности респондентов соотносятся между собой на уровне стран и на уровне индивидов [Монусова 2016b]. На рисунке 2 показано соотношение объективной и субъективной мобильности на уровне стран¹⁰ и даны три линии тренда: верхний пунктир демонстрирует взаимосвязь анализируемых показателей в развитых экономиках; самая нижняя пунктирная линия фиксирует ситуацию в переходных и развивающихся странах (постсоциалистиче-

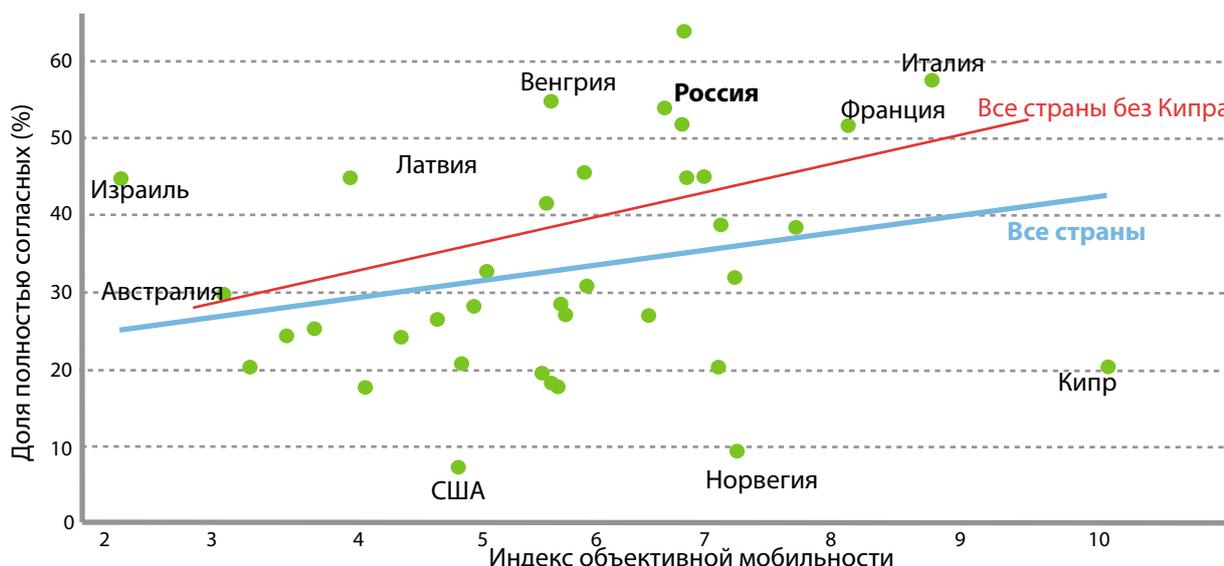
¹⁰ Рассчитано по данным ISSP.

ские страны, Аргентина, Чили, Турция, Филиппины, Венесуэла); средняя линия отражает усреднённый тренд по всей выборке стран. Взаимозависимость между среднестрановыми оценками мобильности (средняя линия) практически отсутствует, коэффициент корреляции оказывается статистически незначим ($r = 0,15$). То же самое мы наблюдаем в кластере развивающихся и постсоциалистических стран. Однако для подвыборки развитых стран такая зависимость оказывается значимой ($r = 0,69$ при 1%-ном уровне значимости).

Население развитых стран в большинстве своём положительно воспринимает фактические изменения социальных позиций, тогда как в большинстве постсоциалистических стран социальных подъёмов зачастую не ощущают.

На индивидуальном уровне соотношение объективной и субъективной мобильности выглядит несколько иначе. Коэффициент корреляции между объективной социальной мобильностью, рассчитанной по детализированной методике (*mob_2*), и её субъективной оценкой статистически значим и равен 0,18 на массиве всей выборки. Причём ситуация различается по странам. Например, в Дании восприятие мобильности наиболее тесно коррелирует с изменением реальных позиций ($r = 0,40$), Франция, Германия, Финляндия также демонстрируют статистически значимые сильные связи (коэффициенты корреляции здесь колеблются от 0,26 до 0,31). К этой же группе стран примыкают Чехия (0,25) и Польша (0,29). В России, Венгрии, Латвии, Испании фиксируются более слабые связи между объективной и субъективной мобильностью при сохранении статистической значимости (коэффициенты корреляции равны соответственно 0,09; 0,11; 0,15; 0,08), но Болгария, Украина вовсе не показывают статистически значимых связей между анализируемыми показателями.

А как связаны между собой на уровне стран отношение к перераспределению и оценки социальной мобильности? На рисунках 3 и 4 представлена зависимость между индексами объективной и субъективной межпоколенной социальной мобильностью и долями респондентов с сильной установкой на перераспределение доходов.

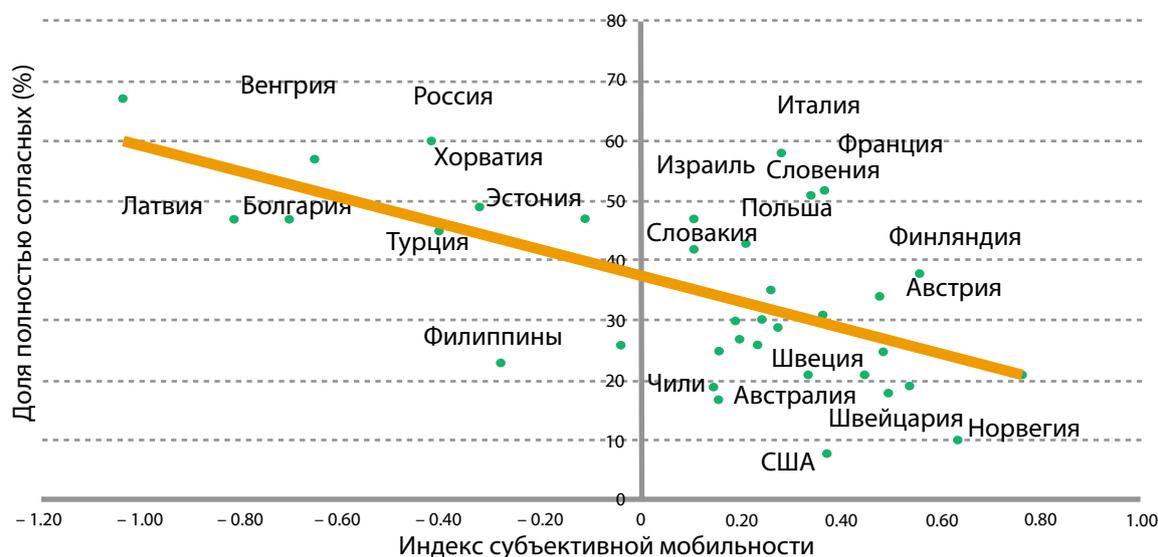

Источник: ISSP-2009.

Примечание: ISEI — International Socio-Economic Index (Международный социально-экономический индекс профессионального статуса).

Рис. 3. Индекс объективной мобильности (*mob-2*) и доля полностью согласных с тем, что разрывы в доходах нужно сокращать

На рисунке 3 показано, что связь между индексом мобильности *mob_2* (который даёт более дифференцированную оценку объективной мобильности)¹¹ и установками на перераспределение доходов на страновом уровне достаточно слабая. К примеру, в России и Норвегии при одинаковых индексах фактической мобильности доли тех, кто полностью согласен с тем, что государство должно сокращать разрывы в доходах, существенно различаются. То же самое можно сказать о Венгрии и США: мы наблюдаем одинаковую межпоколенную мобильность и совершенно разные перераспределительные настроения. Коэффициент корреляции статистически незначим. Причём исключение или добавление тех или иных стран может сильно смещать угол наклона: например, с исключением Кипра положительная связь становится статистически значимой на 10%-ном уровне. Таким образом, для стран связь объективной мобильности и отношения к перераспределению доходов неустойчива. В тенденции же эта связь положительна, то есть рост восходящей социальной мобильности ведёт к росту доли согласных с перераспределением, что противоречит нашей гипотезе. Результаты воспроизводятся, если мы переходим от показателя «доля полностью согласных с тем, что государство должно сокращать разрывы в доходах» к средним страновым значениям отношения к перераспределению, то есть с учётом всех ответов по пятибалльной шкале. Коэффициент корреляции равен 0,03 ($p > 0,1$ статистически незначим) для *mob_1* и 0,25 (при $p < 0,1$) для *mob_2*.

Источник: ISSP-2009.

Рис. 4. Индекс субъективной социальной мобильности и доля полностью согласных с тем, что государство должно сокращать разрывы в доходах

Теперь обратимся к соотношению запроса на перераспределение с индексом субъективной мобильности (*mob_3*) (см. рис. 4). Здесь наблюдается другая картина, радикально отличающаяся от той, что отражена предыдущим рисунком (см. рис. 3). Зависимость значима и имеет обратный характер: чем выше агрегированный индекс мобильности в стране, тем ниже доля сторонников «передела». Этот эффект проявляется достаточно устойчиво и при изменении выборки стран. Если индивид рассматривает своё текущее положение как подъём по сравнению с позицией родителей, то он склонен более терпимо относиться к неравенству. И, наоборот, «жертвы» нисходящей мобильности скорее готовы поддерживать перераспределительную политику. При этом в постсоциалистических странах по сравнению со «старокапиталистическими» выше доля индивидов, настроенных на перераспределение, и это сочетается с более низкой субъективной оценкой мобильности. Заметим, что субъективная мобильность по-

¹¹ Связь между укрупнённым индексом объективной мобильности *mob_1* и отношением к перераспределению на уровне стран отсутствует.

казывает существенные межстрановые различия между «старокапиталистическими» и постсоциалистическими странами, тогда как объективная мобильность практически не даёт различий между этими группами стран [Монусова 2016b].

Простые межстрановые сравнения перераспределительных установок и различных оценок социальной мобильности показывают, что, с одной стороны, отношение к перераспределению по-разному связано с объективной и субъективной социальной мобильностью, с другой — в развитых и в постсоциалистических экономиках эти процессы протекают не совсем одинаково.

Перераспределительные установки, социальная мобильность и представления о путях, ведущих к успеху: регрессионный анализ

Для более глубокого анализа связи запроса на перераспределение и социальной мобильности необходим регрессионный анализ. В качестве зависимой переменной выступает «отношение к перераспределению» (варьирует от 1 до 5), а в качестве независимых — показатели объективной (*mob_1* либо *mob_2*) и субъективной мобильности (*mob_3*). Порядковая шкала зависимой переменной требует использования упорядоченной пробит-регрессии (*ordered probit*). Однако учитывая, что индексы имеют разные шкалы, более удобны стандартизированные коэффициенты из линейной регрессии, оценённой с помощью простого метода наименьших квадратов (МНК)¹². Контролируются такие индивидуальные характеристики, как пол, возраст, семейное положение, наличие детей, третичное образование, место работы и статус на рынке труда респондента, доход, характеристики родительской семьи (место работы отца, культурная среда, показателем которой выступает размер библиотеки в семье родителей, то есть количество книг), принадлежность той или иной стране. Место работы респондента и отца подразумевает три закрытия: работа в государственном секторе, на частной фирме и самозанятость. Контроль этого параметра связан с тем, что простые сопоставления в предыдущей части выявили зависимость перераспределительных установок от места занятости респондента: занятость в государственном секторе усиливает запрос на перераспределение.

Анализ проведён для всей выборки стран и отдельно — для развитых и постсоциалистических (переходных) экономик. Результаты приведены в таблицах 3 и 4.

Таблица 3

**Коэффициенты упорядоченной пробит-регрессии (*ordered probit*).
Зависимая переменная во всех моделях — «отношение к перераспределению»**

Переменная мобильности	Вся выборка		Развитые экономики		Постсоциалистические экономики	
Объективная мобильность <i>mob_1</i>	-0,0001 (0,003)	—	-0,005 (0,005)	—	0,003 (0,006)	—
Объективная мобильность <i>mob_2</i>	—	-0,001** (0,0005)	—	-0,001*** (0,0005)	—	-0,001 (0,0007)
Субъективная мобильность <i>mob_3</i>	-0,03*** (0,006)	-0,03*** (0,006)	-0,02*** (0,006)	-0,02***	-0,06*** (0,007)	-0,06*** (0,007)
<i>N</i>	27 800	27 819	13 253	14 225	7 734	8 156
Число стран	37	37	20	20	11	11

Примечание: в скобках приведены стандартные ошибки; * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$; робастные стандартные ошибки оцениваются с учётом возможной гетероскедастичности и внутрискановой кластеризации.

Контролируются пол, возраст, семейное положение, наличие детей, третичное образование, место работы и статус на рынке труда респондента, доход, характеристики родительской семьи (место работы отца, размер библиотеки в семье родителей (количество книг)), принадлежность той или иной стране.

Вся выборка включает развитые экономики; постсоциалистические страны, страны Латинской Америки, Тайвань, Турцию; развитые экономики («старокапиталистические страны» Европы, США, Австралия).

¹² Как видно из таблиц 3 и 4, коэффициенты в обоих случаях оказываются очень близки.

Таблица 4

**Стандартизированные коэффициенты линейной регрессии.
Зависимая переменная во всех моделях — «отношение к перераспределению»**

Переменная мобильности	Вся выборка		Развитые экономики		Постсоциалистические экономики	
Объективная мобильность <i>mob_1</i>	– 0,0001 (0,003)	—	– 0,005 (0,005)	—	0,003 (0,006)	—
Объективная мобильность <i>mob_2</i>	—	– 0,001** (0,0005)	—	– 0,001*** (0,0005)	—	– 0,001 (0,0006)
Субъективная мобильность <i>mob_3</i>	– 0,03*** (0,005)	– 0,03*** (0,006)	– 0,02*** (0,006)	– 0,02*** (0,005)	0,04*** (0,005)	– 0,04*** (0,005)
N	27 800	27 819	13 253	14 225	7 734	8 156
Число стран	37	37	20	20	11	11

Примечание: в скобках приведены стандартные ошибки; * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$; робастные стандартные ошибки оцениваются с учётом возможной гетероскедастичности и внутристрановой кластеризации.

Контролируются пол, возраст, семейное положение, наличие детей, третичное образование, место работы и статус на рынке труда респондента, доход, характеристики родительской семьи (место работы отца, размер библиотеки в семье родителей (количество книг)), принадлежность той или иной стране.

Вся выборка включает развитые экономики; постсоциалистические страны, страны Латинской Америки, Тайвань, Турцию; развитые экономики (старокапиталистические страны Европы, США, Австралия).

Из таблицы 4 видно, что почти все показатели мобильности демонстрируют отрицательную связь с установкой на перераспределение. Это значит, что индивиды, испытавшие восходящую социальную мобильность по отношению к родителям, в меньшей степени ждут вмешательства государства в перераспределительный процесс, чем те, кто снизил статусные позиции.

Разные показатели мобильности ведут себя неодинаково. Субъективная мобильность даёт значимые эффекты во всех модификациях регрессионной модели. Из двух показателей объективной мобильности значимые связи даёт только показатель *mob_2*, то есть тот показатель объективной мобильности, который рассчитан по более дробной и более чувствительной шкале статусов. Кроме того, показатель объективной мобильности оказывает значимое влияние на перераспределительные установки только в группе более экономически развитых стран. В группе же менее экономически развитых стран значимый эффект имеет только показатель субъективной мобильности.

Подчеркнём, что субъективное восприятие мобильности отрицательно связано с перераспределительными установками во всех типах стран. Эти связи статистически значимы и устойчивы.

Почему реальные социальные перемещения оказываются менее значимы в формировании перераспределительных установок, чем восприятие мобильности? Как уже указывалось в первом разделе, причин тому вероятны несколько. Во-первых, это может быть связано с тем, что наши представления о мобильности не всегда совпадают с реальными перемещениями, поскольку люди неверно оценивают — недооценивают или переоценивают — фактическую мобильность. Это, в свою очередь, может опосредоваться тем, что продвижение по разным осям, определяющим социальный статус, неравномерно и даже разнонаправлено. Например, возможен рост уровня образования при снижении дохода, что наблюдалось во многих постсоциалистических экономиках и описывается понятием «неконсистентность социального статуса». Во-вторых, даже восходящая мобильность может недооцениваться из-за завышенных ожиданий. В-третьих, отметим склонность людей сопоставлять своё положение с положением других. В этом случае быстрое относительное продвижение вверх соседа зачастую ведёт к субъективной недооценке собственных достижений.

Однако особую роль в формировании субъективной оценки вертикальной социальной мобильности играют представления о том, что её обеспечивает. Другими словами, это ответ на вопрос о том, каким образом, по мнению респондентов, люди в данной стране добиваются карьерного и профессионального успеха. Это многомерный комплексный вопрос, затрагивающий и наличие или отсутствие равенства возможностей, и представления о справедливости, и оценки реальной ситуации.

Исследования показывают, что восприятие мобильности тесно связано с инструментами успеха: вера в меритократические пути успеха повышает субъективные оценки мобильности, способствует большому соответствию между субъективной и фактической мобильностью, и, наоборот, представление о распространённости немеритократических путей к успеху снижает субъективные оценки вертикальной мобильности.

Как уже указывалось, эти инструменты успеха могут быть связанными с отношением к перераспределению двояким образом: с одной стороны, влияя на восприятие реальной мобильности (опосредованная связь), а с другой, непосредственно формируя ожидания будущих успехов и достижений (прямая связь). Для того чтобы протестировать прямую связь отношения к перераспределению и инструментов успеха, в базовую спецификацию регрессионного уравнения (см. табл. 4) поочередно добавлялись дамми для инструментов, обеспечивающих успех и социальное продвижение.

Результаты представлены в таблице 5. Прежде всего отметим, что между отношением к перераспределению и немеритократическими путями достижения успеха фиксируется более тесная связь, чем между отношением к перераспределению и социальной мобильностью (коэффициенты при объективной и субъективной мобильности стабильны и имеют одинаковое значение и значимость во всех случаях поочередного добавления инструментов достижения успеха).

Расчёты с добавлением этих показателей в базовые регрессии показывают: признание респондентами того факта, что без статусных или коррупционных инструментов не добиться успеха, усиливает перераспределительные настроения. Такая реакция респондентов характерна как для развитых стран, так и для переходных экономик. Интуитивно это совершенно понятно: если богатство получено немеритократическим («нечестным») путём, то его перераспределение воспринимается как морально оправданное и социально желательное.

Напротив, признание распространённости в обществе меритократических путей достижения успеха (упорный труд, амбиции) снижает установки на перераспределение. По-видимому, человек, вложивший свои усилия в достижение успеха, не согласен с тем, чтобы его лишали плодов этих усилий, и он допускает, что подобные способы достижения успеха доступны широкому кругу его сограждан и являются в этом смысле способами относительно равного доступа.

Таблица 5

Стандартизированные коэффициенты регрессии, оценивающей взаимосвязь запроса на перераспределение с социальной мобильностью и представлениями о возможных «путях продвижения». Зависимая переменная — «отношение к перераспределению»

Независимые переменные	Вся выборка	Развитые экономики	Постсоциалистические экономики
Объективная мобильность <i>mob_2</i>	– 0,001** (0,0004)	– 0,002*** (0,0004)	– 0,001 (0,004)
Субъективная мобильность <i>mob_3</i>	– 0,03*** (0,004)	– 0,02*** (0,004)	– 0,04*** (0,004)
Пути продвижения			
Богатые родители	0,16*** (0,02)	0,23*** (0,02)	0,16*** (0,02)
Образованные родители	0,09*** (0,01)	0,11*** (0,02)	0,11*** (0,02)
Упорный труд	– 0,03 (0,03)	– 0,08*** (0,02)	0,02 (0,02)
Доступ к образованию	– 0,12*** (0,02)	– 0,14*** (0,02)	– 0,06*** (0,02)
Наличие амбиций	– 0,02 (0,01)	– 0,04** (0,02)	– 0,006 (0,02)
Полезные связи	0,14*** (0,02)	0,18*** (0,02)	0,11*** (0,02)
Взятки	0,12*** (0,03)	0,12*** (0,02)	0,12*** (0,02)
Коррупция	0,22*** (0,02)	0,23*** (0,02)	0,22*** (0,02)

Примечание: в скобках приведены стандартные ошибки; * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. Контрольные переменные представлены в примечании к таблице 4.

В то же время в постсоциалистических странах, в отличие от развитых экономик, представление об упорном труде как инструменте успеха не снижает запрос на перераспределение доходов. Причины могут быть разные. Непрозрачность институциональной среды порождает неверие в то, что можно добиться успеха самому; немаловажную роль играет и идеологическая наследственность. А. Алесина и его соавторы полагают, что идеологические предпочтения связаны и с восприятием социальной мобильности, и с представлениями о справедливости, и с установками на перераспределение [Alesina, Giuliano 2011; Alesina, Stantcheva, Teso 2017]. Также делается попытка понять, может ли долгая жизнь при социализме с глубоким идеологическим воспитанием и укоренением зависимости от государства сформировать соответствующие взгляды на неравенство и отношение к перераспределению. Исследователи используют историю с разъединением, а затем с объединением Германии как уникальный естественный эксперимент, позволяющий ответить на вопрос о том, что первично. Они показывают: восточные немцы в большей мере, чем западные, верят, что социальные условия (социально-экономическая система) определяют успехи и положение человека, а не личные усилия. Основной вывод заключается в следующем: социализм сформировал идеологическую зависимость от государства, и для полного избавления от этого потребуется до 40 лет или два поколения [Alesina, Fuchs-Schundeln 2007].

Заключение

В данной работе предпринята попытка показать связь между запросами индивидов на перераспределение доходов и их социальной мобильностью, измеряемой с помощью как объективных, так и субъективных оценок. Анализ показывает, что социальное продвижение ослабляет настроения по поводу *перераспределения доходов*. Это интуитивно понятно: социальный подъём обеспечивает и рост доходов, которые в случае с усилением перераспределения должны быть обложены налогом по повышенной ставке. Однако связь между мобильностью и перераспределением проявляется в разных странах по-разному. В «старокапиталистических странах» соответствующая зависимость есть в случае как с фактической, так и с воспринимаемой мобильностью, но для этой последней она сильнее. В группе же постсоциалистических стран эта зависимость значима только с показателем субъективной мобильности.

Таким образом, объективная мобильность не везде связана с перераспределительными настроениями, и это не зависит от того, какой измеритель мы используем. Другое дело — наше восприятие мобильности; его связь с отношением к перераспределению проявляется более чётко и устойчиво. Если индивид рассматривает динамику своей позиции по сравнению с положением родителей как движение вверх, то с высокой долей вероятности его желание требовать от государства перераспределения будет слабее, чем у тех, кто считает свою мобильность нисходящей. Этот эффект наблюдается как на индивидуальном уровне, так и на агрегированных страновых данных.

Особое значение имеют представления респондентов о том, какие пути им доступны для достижения успеха. Если они понимают, что могут влиять на собственную судьбу, их перераспределительные ожидания снижаются, но если человек осознаёт, что от его личных усилий мало что зависит, он более активно требует «передела». Крайне важно, чтобы действующие механизмы мобильности в обществе соответствовали представлениям людей о справедливости. Это соответствие способствует адекватному восприятию мобильности, что, в свою очередь, может легитимировать фактическое неравенство в глазах населения. Если доминирующие «инструменты успеха» кажутся легитимными и справедливыми, то люди воспринимают свою мобильность как восходящую и готовы принять даже значительное неравенство и не требуют перераспределения. В этом же направлении действует и степень коррумпированности общества. Если индивид верит, что ожидаемая восходящая мобильность соответствует его суждениям о справедливости и возможно продвижение за счёт собственных усилий, иными словами, если человек ощущает равенство возможностей, то запрос на перераспределение заметно снижается. Напротив, в условиях восходящего движения за счёт подкупа и «полезных» связей люди требуют перераспределения доходов, считая правила игры несправедливыми, а достигнутый таким образом «успех» нечестным.

Учитывая, что и субъективная мобильность, и запрос на перераспределение связаны с представлениями о «путях социального роста», допустимо предположить, что на перераспределительные настроения в большей мере влияет не сам факт социального подъёма или спуска, а представления о равенстве возможностей и справедливости в достижении успеха. Этот вывод подтверждается и на страновом уровне: в менее коррумпированных странах фиксируется более слабый запрос населения на перераспределение доходов [Гимпельсон, Монусова 2014; Монусова 2016а].

Итак, реальные социальные перемещения преломляются в нашем сознании в субъективные оценки мобильности и, вероятно, только затем трансформируются в желание «передела». Перераспределительные настроения в обществе зависят от возможностей достижения успеха, от степени коррумпированности общества не только через субъективные оценки фактической (прошлой) мобильности, но и через ожидания благоприятных перспектив в будущем. И восприятие мобильности, и отношение к перераспределению доходов независимо друг от друга зависят от качества государственного управления, институциональных механизмов достижения успеха и социального роста. В таком случае передвижения индивидов по социальной лестнице и их оценка слабо влияют на их отношение к перераспределению, а реально воздействуют представления о том, как устроена система продвижения, то есть насколько равны возможности роста и доступ к этим возможностям. Желание перераспределить связано с неравенством возможностей!

Литература

Большц Н. 2014. *Размышление о неравенстве*. М.: Изд. дом ВШЭ.

Гимпельсон В., Монусова Г. 2014. Восприятие неравенства и социальная мобильность. *Экономический журнал ВШЭ*. 2: 216–248.

- Денисова И. 2013. Неравенство, качество институтов и спрос на перераспределение доходов: о чем говорят данные опросов населения в посткоммунистических странах. *Журнал НЭА*. 2: 172–177.
- Заславская Т. И. 2004. *Современное российское общество. Социальный механизм трансформации*. М.: Изд-во «Дело».
- Козырева П. М. 2012. Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России. В сб.: *Россия реформирующаяся*. М.: Новый хронограф; 213–235.
- Монусова Г. А. 2016а. Что определяет восприятие неравенства в доходах. *МЭМО*. 1: 53–67.
- Монусова Г. А. 2016б. Объективная и субъективная социальная мобильность в межстрановой перспективе. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 3–4: 52–71.
- Радаев В. В., Шкаратан О. И. 1996. *Социальная стратификация: Учеб. пособие*. М.: Аспект Пресс.
- Семёнова В. В., Черныш М. Ф. (отв. ред.) 2017. *Социальная мобильность в России: поколенческий аспект*. М.: Институт социологии РАН.
- Сорокин П. 1992. *Человек, цивилизация, общество*. М.: Политиздат.
- Тихонова Н. Е. 2014. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф; ИС РАН.
- Черныш М. Ф. 2005. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М.: Гардарики.
- Ястребов Г. 2016. Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. *Мир России*. 1: 7–34.
- Alesina A., Angeletos G. 2005. Fairness and Redistribution. *American Economic Review*. 4: 960–980.
- Alesina A., Fuchs-Schundeln N. 2007. Good-Bye, Lenin, or Not? *American Economic Review*. 4: 1507–1528.
- Alesina A., Giuliano P. 2011. Preferences for Redistribution. In: Benhabib J., Bisin A., Jackson M. (eds) *Handbook of Social Economics*. Vol. 1A. North Holland: Elsevier; 93–131.
- Alesina A., La Ferrara E. 2005. Preferences for Redistribution in the Land of Opportunities. *Journal of Public Economics*. 87: 897–931.
- Alesina A., Stantcheva S., Teso E. 2017. Intergenerational Mobility and Support for Redistribution. *NBER Working Paper*. No. 23027 (January).
- Algan Y., Cahuc P., Sangnier M. 2011. Efficient and Inefficient Welfare States. *IZA DP*. No. 5445.
- Benabou R., Ok E. 2001. Social Mobility and Demand for Redistribution: the POUM Hypothesis. *The Quarterly Journal of Economics*. 2: 447–487.

- Benabou R., Tirole J. 2006. Belief in a Just World and Redistributive Politics. *The Quarterly Journal of Economics*. 121 (2) (May): 699–746.
- Clark A., D'Angelo E. 2013. Upward Social Mobility, Well-Being and Political Preferences: Evidence from the BHPS. *CEP Discussion Paper*. No. 1252 (December).
- Curtis J. 2016. Social Mobility and Class Identity: The Role of Economic Conditions in 33 Societies, 1999–2009. *European Sociological Review*. 32 (1): 108–121.
- Danilova E. 2017. Actual and Perceptual Social Inequality under Transformative Change in Russia and China. *Europe-Asia Studies*. 69 (1): 27–52.
- Erikson R., Goldthorpe J., Portocarero L. 1979. Intergenerational Class Mobility in Three Western European Societies. *British Journal of Sociology*. 30: 415–441.
- Farina F., Grimalda G. A. 2011. Cross-Country Experimental Comparison of Preferences for Redistribution. *Department of Economic Policy, Finance and Development (DEPFID), University of Siena Working Paper*. No. 2.
- Ganzeboom H., Treiman D. 2003. Three Internationally Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status. In: Jürgen H.P. Hoffmeyer-Zlotnik J. H. P., Wolf C. (eds) *Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables*. New York: Kluwer Academic; Plenum Publishers; 159–193.
- Gimpelson V., Treisman D. 2015. Misperceiving Inequality. *NBER Working Paper*. No. 21174.
- Grusky D., Cumberworth E. 2010. A National Protocol for Measuring Intergenerational Mobility? *Stanford Center for Study of Poverty and Inequality*. URL: http://www.grusky.org/article_files/nas_standardization_mobility_paper.pdf
- Hirschman A., Rothschild M. 1973. The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development. *The Quarterly Journal of Economics*. 4: 544–566.
- Hodge R., Treiman D. 1968. Social Participation and Social Status. *American Sociological Review*. 33 (5): 722–740.
- Hope K. 1975. Models of Status Inconsistency and Social Mobility Effects. *American Sociological Review*. 40 (3): 322–343.
- Lenski G. 1956. Social Participation and Status Crystallization. *American Sociological Review*. 21 (4): 458–464.
- Lerner M. 1980. *The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion*. New York: Springer Science.
- Lindemann K. 2007. The Impact of Objective Characteristics on Subjective Social Position. *Trames*. 11 (1): 54–68.
- Meltzer A., Richard S. 1981. A Rational Theory of the Size of Government. *Journal of Political Economy*. 5: 914–927.

- Niehues J. 2014. Subjective Perceptions of Inequality and Redistributive Preferences: An International Comparison. Cologne Institute for Economic Research. *IW-TRENDS Discussion Paper*. No. 2.
- Piketty T. 1995. Social Mobility and Redistributive Politics. *The Quarterly Journal of Economics*. 3: 551–584.
- Ravallion M., Lokshin M. 2000. Who Wants to Redistribute? The Tunnel Effect in 1990s Russia. *Journal of Public Economics*. 76: 87–104.
- Sen A. 2000. Social Justice and the Distribution of Income. In: Atkinson A., Bourguignon F. (eds) *Handbook of Income Distribution*. Vol. 1. North Holland: Elsevier; 59–85.
- Siedler Th., Sonnenberg B. 2012. Intergenerational Earnings Mobility and Preferences for Redistribution. *IZA DP*. No. 6981.
- Social Mobility in the EU*. 2017. Research Report. Luxembourg: EUROFOUND.
- Svallfors S. (ed.) 2012. *Contested Welfare States. Welfare Attitudes in Europe and Beyond*. Stanford, CA: Stanford University Press.

NEW TEXTS

Galina Monusova

Redistributive Preferences and Indicators of Social Mobility

MONUSOVA, Galina —

Candidate of Science in History,
Senior Researcher, IMEMO
RAN, National Research
University "Higher School
of Economics". Address:
20 Myasnitskaya str., Moscow,
101000, Russian Federation.

Email: g.monusova@gmail.com

Abstract

The aim of the paper is to explore the connection between redistributive preferences and various indicators of social mobility across countries. In particular, it addresses the following set of questions: How are objective and subjective mobility related to redistributive preferences? How are redistributive preferences connected with mechanisms of mobility and feelings of fairness? The author uses large cross-country datasets from the ISSP to analyze connections between redistributive preferences and objective and subjective mobility on different levels (intra and between countries). Using regression analysis, the author finds that objective and subjective mobility influence redistributive preferences in different ways. Objective mobility

has only weak effects on redistributive preferences, whereas the connection between subjective mobility and the demand for redistribution is much stronger and more stable. Cross-country analysis shows that the connection between redistributive preferences and subjective mobility is higher in transition economies than in developed countries. In addition, the author finds that preferences for redistribution are strongly linked to how transparent and fair mobility is. If people feel there is equality in opportunities, their demands for redistribution are significantly lower.

Keywords: redistributive preferences; social mobility; objective mobility; perception of mobility; fairness; cross country data; corruption.

Acknowledgements

The support from the NRU HSE Basic Research Program is acknowledged. The author thanks V. Gimpelson, V. Magun, and two anonymous reviewers for their detailed and very useful comments. All remaining errors are my own.

References

- Alesina A., Angeletos G. (2005) Fairness and Redistribution. *American Economic Review*, no 4, pp. 960–980.
- Alesina A., Fuchs-Schundeln N. (2007) Good-Bye, Lenin, or Not? *American Economic Review*, no 4, pp. 1507–1528.
- Alesina A., Giuliano P. (2011) Preferences for Redistribution. *Handbook of Social Economics*, vol. 1A (eds. J. Benhabib, A. Bisin., M. Jackson), North Holland: Elsevier, pp. 93–131.
- Alesina A., La Ferrara E. (2005) Preferences for Redistribution in the Land of Opportunities. *Journal of Public Economics*, no 87, pp. 897–931.

- Alesina A., Stantcheva S., Teso E. (2017) Intergenerational Mobility and Support for Redistribution. *NBER Working Paper*, no 23027 (January).
- Algan Y., Cahuc P., Sangnier M. (2011) Efficient and Inefficient Welfare States. *IZA DP*, no 5445.
- Benabou R., Ok E. (2001) Social Mobility and Demand for Redistribution: the POUM Hypothesis. *The Quarterly Journal of Economics*, no. 2, pp. 447–487.
- Benabou R., Tirole J. (2006) Belief in a Just World and Redistributive Politics. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 121, no 2 (May), pp. 699–746.
- Bol'ts N. (2014) *Razmyshlenie o neravenstve* [Thinking about Inequality], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Chernysh M. (2005) *Sotsial'nye instituty i mobil'nost' v transformiruushchemsya obshchestve* [Social Institutions and Mobility in a Transforming Society], Moscow: Gardariki (in Russian).
- Clark A., D'Angelo E. (2013) Upward Social Mobility, Well-Being and Political Preferences: Evidence from the BHPS. *CEP Discussion Paper*, no 1252 (December).
- Curtis J. (2016) Social Mobility and Class Identity: The Role of Economic Conditions in 33 Societies, 1999–2009. *European Sociological Review*, vol. 32, no 1, pp. 108–121.
- Danilova E. (2017) Actual and Perceptual Social Inequality under Transformative Change in Russia and China. *Europe-Asia Studies*, vol. 69, no 1, pp. 27–52.
- Denisova I. (2013) Neravenstvo, kachestvo institutov i spros na pereraspredelenie dokhodov: o chem govoryat dannye oprosov naseleniya v postkommunisticheskikh [Inequality, the Quality of Institutions and the Demand for Income Redistribution]. *Zhurnal NEA = New Economic Association Journal*, no 2, pp. 172–177 (in Russian).
- Erikson R., Goldthorpe J., Portocarero L. (1979) Intergenerational Class Mobility in Three Western European Societies. *British Journal of Sociology*, no 30, pp. 415–441.
- Farina F., Grimalda G. (2011) A Cross-Country Experimental Comparison of Preferences for Redistribution. *Department of Economic Policy, Finance and Development (DEPFID)*, University of Siena Working Paper, no 2.
- Ganzeboom H., Treiman D. (2003) Three Internationally Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status. *Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables* (eds. J. H. P. Hoffmeyer-Zlotnik, C. Wolf), New York: Kluwer Academic; Plenum Publishers, pp. 159–193.
- Gimpel'son V., Monusova G. (2014) Vospriyatie neravenstva i sotsial'naya mobil'nost' [Perception of Inequality and Social Mobility]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE = Higher School of Economics Economic Journal*, no 2, pp. 216–248 (in Russian).
- Gimpelson V., Treisman D. (2015) Misperceiving Inequality. *NBER Working Paper*, no 21174.

- Grusky D., Cumberworth E. A. National Protocol for Measuring Intergenerational Mobility? *Stanford Center for Study of Poverty and Inequality*. Available at: http://www.grusky.org/article_files/nas_standardization_mobility_paper.pdf (accessed 2 March 2017).
- Hirschman A., Rothschild M. (1973) The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development. *The Quarterly Journal of Economics*, no 4, pp. 544–566.
- Hodge R., Treiman D. (1968) Social Participation and Social Status. *American Sociological Review*, vol. 33, no 5, pp. 722–740.
- Hope K. (1975) Models of Status Inconsistency and Social Mobility Effects. *American Sociological Review*, vol. 40, no 3, pp. 322–343.
- Kozyreva P. (2012) Mezhpokolennaya sotsial'no-professional'naya mobil'nost' v postsovetskoy Rossii [Intergenerational Socio-Professional Mobility in Post-Soviet Russia]. *Rossiia reformiruushchayasya* [Russia Undergoing Changes], Moscow: Novyy khronograf, pp. 213–235 (in Russian).
- Lenski G. (1956) Social Participation and Status Crystallization. *American Sociological Review*, vol. 21, no 4, pp. 458–464.
- Lerner M. (1980) *The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion*, New York: Springer Science.
- Lindemann K. (2007) The Impact of Objective Characteristics on Subjective Social Position. *Trames*, vol. 11, no 1, pp. 54–68.
- Meltzer A., Richard S. (1981) A Rational Theory of the Size of Government. *Journal of Political Economy*, no 5, pp. 914–927.
- Monusova G. (2016a) Chto opredelyaet vospriyatie neravenstva v dokhodakh [What Shapes the Perception of Income Inequality]. *MJEiMO = MEMO Journal*, no 1, pp. 53–67 (in Russian).
- Monusova G. (2016b) Ob'ektivnaya i sub'ektivnaya sotsial'naya mobilnost' v mezhstranovoy perspective [Objective and Subjective Social Mobility across Countries]. *Vestnik obshchestvennogo mneniy. Dannye. Analiz. Diskussii = The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, no 3–4, pp. 52–71 (in Russian).
- Niehues J. (2014) Subjective Perceptions of Inequality and Redistributive Preferences: An International Comparison. Cologne Institute for Economic Research. *IW-TRENDS Discussion Paper*, no 2.
- Piketty T. (1995) Social Mobility and Redistributive Politics. *The Quarterly Journal of Economics*, no 3, pp. 551–584.
- Radaev V., Shkaratan O. (1996) *Sotsial'naya stratifikatsiya: Uchebnoe posobie* [Social Stratification], Moscow: Aspekt Press (in Russian).
- Ravallion M., Lokshin M. (2000) Who Wants to Redistribute? The Tunnel Effect in 1990s Russia. *Journal of Public Economics*, no 76, pp. 87–104.
- Sen A. (2000) Social Justice and the Distribution of Income. *Handbook of Income Distribution*, vol. 1 (eds. A. Atkinson, F. Bourguignon), North Holland: Elsevier, pp. 59–85.

Siedler T., Sonnenberg B (2012) Intergenerational Earnings Mobility and Preferences for Redistribution. *IZA DP*, no 6981.

Social Mobility in the EU (2017). Research Report, Luxembourg: EUROFOUND.

Sorokin P. (1992) *Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo* [Man, Civilization, Society], Moscow: Politizdat (in Russian).

Sotsial'nay mobilnost' v Rossii: pokolencheskiy aspect (2017) [Social Mobility in Russia: The Generation Aspect] (eds. V. Semenova, M. Chernysh), Moscow: Institut Sotsiologii RAN (in Russian).

Svallfors S. (ed.) (2012) *Contested Welfare States. Welfare Attitudes in Eurcfdope and Beyond*, Stanford, CA: Stanford University Press.

Tikhonova N. (2014) *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Social Structure of Russia: Theory and Reality], Moscow: Novyy khronograv; IS RAN (in Russian).

Yastrebov G. (2016) *Sotsial'naya mobil'nost' v sovetskoy i postsovetskoy Rossii: novye kolichestvennye otsenki po materialam predstavitel'nykh oprosov 1994, 2004, 2006 i 2013* [Social Mobility in Soviet and Post-Soviet Russia: New Quantitative Assessments Based on Materials from Representative Surveys in 1994, 2002, 2006 and 2013]. *Mir Rossii = Universe of Russia*, no 1, pp. 7–34 (in Russian).

Zaslavskaya T. (2004) *Sovremennoe rossiyskoe obshchestvo. Sotsial'nyy mekhanizm transformatsii* [Contemporary Russian Society. The Social Mechanism of Transformation], Moscow: Izda-vo "Delo" (in Russian).

Received: September 4, 2017

Citation: Monusova G. (2017) Otnoshenie k pereraspredeleniyu dokhodov i sotsial'naya mobil'nost' [Redistributive Preferences and Indicators of Social Mobility]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 18, no 5, pp. 14–39. doi: 10.17323/1726-3247-2017-5-14-39